

Для социологии это означает потребность в учете указанных тенденций и в выработке адекватных теоретических схем и моделей, а также в разработке новых методических приемов анализа этих изменений. При этом не стоит увлекаться достижениями исключительно западной социологической мысли, которые были созданы для других времен и для иных социальных реалий. Мне больше импонирует путь так называемой “grounded theory”, то есть проведение тщательных эмпирических исследований на украинской почве и создание на этой основе концепций и теорий, отражающих специфику обществ бывшего СССР, к которым принадлежит и Украина. Иначе в своих исследованиях мы будем обречены определять лишь меру соответствия заимствованных иностранных конструктов социальным явлениям и социальным отношениям, бытующим в нашей стране, и выяснять, на сколько (на полвека или навсегда) мы отстали от развитых стран мира.

Что касается совершенствования и разнообразия методов исследования, то в случае с личностью и даже малой социальной группой для меня перспективными выглядят триангуляционные процедуры (как триангуляция разных типов данных, так и триангуляция исследователей, а также теоретическая и методическая триангуляция). В частности, в анализе духовного мира личности меня привлекают возможности выработки таких методик, в которых бы сочетались методы социологии и психологии, ведь возрастающая рефлексивность, характерная для западных обществ, наших людей и нашего украинского общества коснулась незначительно. Я убеждена, что во внутреннем мире нашего постсоветского человека с огромным преобладанием доминируют иррациональные неосознанные составляющие, для которых применения количественных и даже качественных методик анализа недостаточно. Переход к использованию завещанных П.Штомпкой невербальных методов социологического исследования с акцентом на применении изучения, например, фотографии или социальной иконографии, во-первых, позволит поразмышлять скорее над внешними выражениями социальности, нежели над скрытым внутренним миром, а во-вторых, принесет значительную долю субъективности самого социолога-исследователя в осмысление зафиксированных событий и фигур. В итоге в нашей стране мы будем иметь дело с самовыражением того или иного исследователя скорее, чем с научно установленными фактами, что в конечном счете делает социологию наукой. Но нельзя проигнорировать призыв Штомпки развивать социологию повседневности, ведь именно здесь будут обнаруживаться, очевидно, наиболее важные для современного человека связи, коммуникации, взаимодействия и отношения.

Еще раз выражаю благодарность организаторам дистанционного круглого стола из исследовательского комитета САУ “Социология личности” и в то же время призываю подумать над созданием разнообразных форматов проведения заседаний нашего социологического сообщества, ведь, как справедливо отметили участники, Интернет открывает для этого широкие возможности.

Евгений Головаха

Интернет-коммуникация социологов: комментарий к материалам круглого стола

Способ коммуникации, именуемый круглым столом, имеет, как известно, давние традиции. Думаю, что ученые мужи прошлого, поддерживавшие почин короля Артура и его рыцарей, руководствовались идеями равноправия всех благородных участников научных собраний. Именно это — равенство всех участников независимо от их степеней, званий и должностей так привлекает свободомыслящих ученых, которые хотя бы на какое-то время жаждут отрешиться от вопиющих социальных

неравенств, несправедливо навязывающих ученому сообществу мнения более титулованных специалистов и незаслуженно оставляющих в тени точку зрения тех, кто еще не удосужился эти титулы приобрести. Круглый стол, в отличие от съездов, симпозиумов и конференций, не требует разделения ученых “по весовым категориям”, в каждой из которых полагается выступать в разных жанрах: кому с пленарным докладом, кому с секционным выступлением, кому со стендовым сообщением, а кому и вовсе пребывать в качестве “участника дискуссий”. За круглым столом, вроде бы, равны все. Возможно, именно поэтому в последние десятилетия круглые столы стали весьма популярными в отечественном социологическом сообществе.

Нужно отдать должное отделу социальной психологии Института социологии НАНУ, который чаще других в нашем академическом сообществе не просто обсуждает свои исследовательские проблемы на круглых столах, привлекая к обсуждению специалистов из других научных организаций, но и регулярно публикует материалы этих обсуждений.

Обсуждение последней темы состоялось в процессе Интернет-коммуникации. Достоинством такого способа организации круглого стола является безусловное равенство всех участников. Содержание и объем выступлений не контролировались. С одной стороны, это позволило каждому в письменной форме высказать свои мысли без давления авторитетов и независимо от ораторских способностей (не секрет, что пустые выступления нередко воспринимаются как довольно яркие, благодаря артистическим способностям докладчика и его умению манипулировать аудиторией). С другой стороны, затянувшаяся переписка с использованием электронной почты сказалась на полноте и содержательности ответов на последние вопросы, интересовавшие организаторов круглого стола. Не хватает в представленном материале обобщений, без которых плюрализм мнений, высказанных в ходе обсуждений, как мне показалось, оставляет больше разногласий, чем согласованных ответов на вопросы, заявленные организаторами. Впрочем, если обнаружение многообразия и неоднозначности концептуальных подходов к изучаемой проблеме и было целью круглого стола, то ее можно считать достигнутой.

Исходя из такого понимания цели круглого стола, и я хочу высказать несколько соображений по поводу трех ключевых категорий, вокруг которых развернулась дискуссия: социальное поведение, нестабильное общество и социальная регуляция (в контексте применения этих категорий к нашему обществу).

1. Я бы рассматривал социальное поведение как совокупность практик, направленных на адаптацию и самореализацию индивида в его социальном окружении. В этом определении подразумевается, что социальное поведение является формой активности именно индивидов, тогда как категория деятельности может рассматриваться в более широком социальном контексте. Можно говорить о деятельности и взаимодействии, но не о поведении социальных групп. Даже когда мы говорим о поведении людей как представителей тех или иных социальных групп, речь идет об усредненных или типичных для индивидов, принадлежащих к этим группам, показателях. Именно поэтому опросные методы, являющиеся, по сути, средством изучения среднестатистических показателей массового сознания, могут вполне адекватно использоваться при изучении социального поведения. Именно поэтому весь тот эмпирический материал, который накоплен Институтом социологии НАНУ в результате осуществления многолетнего мониторинга социальных изменений и участия в “Европейском социальном исследовании”, может быть вполне конструктивно использован в решении многих исследовательских задач, связанных с изучением особенностей регуляции социального поведения в украинском обществе.

2. Принципиальное различие способов социальной адаптации и поведения людей в условиях стабильного и дестабилизированного обществ теоретически обосновывала и эмпирически фиксировала Наталия Панина. Я принял эту ее концепцию и до последнего времени уверенно называл нынешнее наше общество нестабильным.

Пару лет назад на одной из встреч с западными коллегами это определение украинского общества вызвало замечание Николая Генова, который предложил называть такие общества, как современное украинское, скорее дезинтегрированными, чем нестабильными. Задумавшись над этим вопросом, я пришел к выводу, что нестабильность можно рассматривать как родовое понятие по отношению к двум другим, характеризующим состояние переходных обществ: разбалансированность и дезинтегрированность, причем последнее является крайней формой нестабильности, приводящей, в конечном счете, не только к кризисным, но и к катастрофическим последствиям для общества. Дезинтегрированным обществом вполне можно назвать современное сомалийское или российское времен гражданской войны и разрухи. А вот разбалансированность, собственно говоря, и является той формой нестабильного состояния, в котором находится украинское общество. Речь идет о структурно-институциональном и ценностно-нормативном дисбалансе, когда, например, легальные институты не имеют легитимности, а реально действующие — легального статуса, когда общепризнанные ценности свободы и равенства не имеют адекватного нормативного подкрепления. Именно на стадии разбалансированности имеет смысл говорить о совершенствовании регулятивных механизмов применительно к социальному поведению, тогда как дезинтегрированное общество нуждается в достаточно жестком интегративном механизме, который, как правило, связан либо с внутренней автократией, либо с внешним контролем.

3. Что касается социальной регуляции поведения, то я бы акцент в данном случае ставил прежде всего на саморегуляции поведения. Поскольку в нестабильном обществе слишком многое зависит от личной инициативы, преодолеть многочисленные социальные дисбалансы может только критическая масса людей, способных самостоятельно регулировать свое поведение и противостоять манипулятивному воздействию циничного меньшинства, рискующего утратить свою неограниченную власть над обществом в условиях последовательной демократической стабилизации общественной ситуации, а потому поддерживающего многолетнюю «стабильность нестабильности» в Украине. В результате этого почти двадцать лет существования независимого государства практически не изменили преобладающий тип личности, для которой ни она сама, ни окружающий мир так и не стали понятными, предсказуемыми и адекватно управляемыми. До сих пор необузданное в своей корысти меньшинство граждан крайне неэффективно управляет растерянным и деморализованным большинством. Мой многолетний опыт исследования этой удивительной социальной системы убеждает в том, что главная причина происходящего заключена в неготовности личности к самоуправлению, которое я понимаю как процесс рационального (в функциональном и сущностном аспектах) воздействия личности на внутренний и внешний мир для реализации своих прав и интересов без ущемления прав и интересов других людей. Можно ли эффективно управлять собой, попирая права и игнорируя интересы других людей? Казалось бы, примеры успеха тиранов прошлого и нынешних «хозяев жизни» об этом свидетельствуют достаточно убедительно. Однако если такое управление и будет функционально рациональным (основываясь, например, на собственном корыстном расчете и эмоциональных слабостях окружающих), оно не будет рациональным по существу. Никому не удастся жить без страха среди запуганных людей, пребывать в состоянии удовлетворенности собой среди неудовлетворенных. А потому эффективное самоуправление возможно только как процесс, включающий:

- управление внутренним миром, предполагающее адекватное понимание своих личностных особенностей и применение эффективных средств саморегуляции;
- управление социальными (жизненными) ситуациями, предполагающее адекватное понимание других людей и координацию взаимодействия с ними;
- управление широким социальным окружением в различных формах гражданской активности.